

ВЯТСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

№ 2.

1869 г.

Января 16-го.

ОТДѢЛЪ ДУХОВНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ.

Личный характеръ бытописателя Моисея.

Ни одинъ историкъ не писалъ при такихъ важныхъ и знаменательныхъ условіяхъ, какъ Моисей. Онъ—не поэтъ, который, подобно *Гомеру* или *Гезіоду*, пишетъ по внушенію своей фантазіи, съ цѣлю очаровывать воображеніе другихъ и чрезъ то увѣковѣчить свое имя. Его нельзя даже сравнивать съ такими историками, которые, какъ *Геродотъ* и *Фукидидъ*, на перерывъ другъ передъ другомъ пишутъ витіеватыя повѣсти въ интересахъ большаго вниманія и награды со стороны публики. Онъ, наконецъ, и не лѣтописецъ, который льститъ своимъ современникамъ или осуждаетъ ихъ, соображаясь съ своими личными видами и прихотями, и, вращаясь, такъ сказать, въ кругу извѣстной идеи или національности, какъ это дѣлаетъ большинство историковъ. Это—первосвященникъ, патріархъ, пишущій въ виду всего народа и, такъ сказать, всего рода человѣческаго, повѣствуя о событіяхъ всенародныхъ, по-

прищемъ которыхъ была вселенная, передающій на письмѣ и письмомъ скрѣпляющій то, что всѣмъ было извѣстно и о чемъ рассказывалъ тогдашній весь міръ. У него, въ его исторіи не найдете ни предисловія, ни вступленія, никакой предосторожности; тамъ нѣтъ особаго расположенія, нѣтъ нарочитаго плана; не видно заботы о томъ, чтобы нравиться или не встрѣтить недовѣрія въ другихъ; тамъ рассказъ, и только рассказъ; достовѣрное, или невѣроятное, естественное или чудесное, глубокое или простое, все это выходитъ изъ—подъ его пера съ удивительною простотою, какъ будто бы его дѣло только писать и будто при немъ есть кто-то другой, кто понимаетъ смыслъ повѣствуемыхъ имъ событій и диктуетъ ихъ. Понятно и очень понятно послѣ этого, что Моисей пишетъ въ духѣ общественнаго убѣжденія; что событія, о которыхъ онъ повѣствуетъ, поддерживаются своимъ собственнымъ значеніемъ и что чувства удивленія, сомнѣнія, или недовѣрія, которыя мы стараемся иногда возбудить въ себѣ при чтеніи ихъ, неизвѣстны были его современникамъ. Надобно думать и знать, что онъ состоялъ въ зависимости или руководился мнѣніемъ общественнымъ своего времени и, такъ сказать, мнѣніемъ всего народа, голосомъ самого Бога. А въ такомъ случаѣ самое смѣлое невѣріе относительно его повѣствованій должно разсѣяться въ прахъ. И когда оскорбляютъ достоинство Моисея, отвергая его сказанія: то это оскорбленіе касается всего народа, всего міра, который хранилъ эти сказанія, въ виду всѣхъ жившихъ тогда преданій и памятниковъ и среди такихъ обстоятельствъ, которыя сами собою могли бы уничтожить всю его исторію, еслибы она была ложною.

Притомъ, какъ весьма вѣрно нѣкоторые замѣчаютъ, космогонія Моусея носитъ на себѣ какой-то особый отпечатокъ. У всѣхъ почти народовъ въ темныя времена, когда воображеніе не стѣсняетъ и не страшатъ факты, является на сцену дѣйствія мифологія, которая тотчасъ исчезаетъ, какъ начинается исторія. Древніе памятники евреевъ, напротивъ, не такъ полны чудеснаго во времена древнія, какъ въ настоящія. Ничто въ Библии не обращаетъ на себя столько вниманія, въ этомъ случаѣ, какъ незначительность чудесъ древнихъ и обиліе новыхъ. Совсѣмъ не то у другихъ народовъ.

Древнія легенды другихъ народовъ начинаются многобожіемъ; они говорятъ о брачныхъ союзахъ боговъ съ смертными людьми, рассказываютъ о разныхъ ихъ порокахъ на небесахъ, описываютъ ссоры и войны между богами; обоготворяютъ солнце, луну и звѣзды; допускаютъ множество полубоговъ, геніевъ и демоновъ. По смыслу этихъ легендъ, всякій изобрѣтатель какого нибудь полезнаго искусства достоинъ боготворенія (анѳеозы). Если они представляютъ намъ и хронологію: то она или ничтожная или исполинская, выходящая за предѣлы вѣроятнаго; ихъ географія черезъ-чуръ широка и походитъ на обширное поле, заселенное мечтами; въ нихъ всѣ предметы подвергаются какимъ-то страннымъ превращеніямъ и всѣ легко и безъ разбору поддаются порывамъ фантазіи самой измѣнчивой и смѣшной. Постоянное стремленіе къ чудесному, неодолима страсть рассказывать самое простое обстоятельство съ разными преувеличеніями, наконецъ—это національное и пустое хвастовство, всегда жадное къ тому, чтобы, для большей чести, относить къ одной извѣстной

странъ тѣ событія, которыхъ свидѣтелемъ былъ весь родъ человѣческій—вотъ самыя поразительныя черты космогоніи языческой.

Но совсѣмъ другое мы видимъ въ повѣствованіяхъ Библии; тамъ видимъ непосредственное дѣйствіе Бога Творца, безъ прикровенности, безъ всякаго химернаго стеченія препятствій, совершаемое однимъ мановеніемъ Его воли;—*да будетъ свѣтъ—и бысть свѣтъ*: такое наконецъ, дѣйствіе, которое можетъ произвести только Существо всемогущее по своей природѣ. Луна, солнце, звѣзды далеко не суть боги, служатъ на пользу человѣку, для него проливаютъ свѣтъ и даютъ ему возможность измѣрять время. Всѣ великія изобрѣтенія совершены людьми и остаются такими же. Хронологія идетъ естественнымъ порядкомъ. Географія не простирается за предѣлы земли. Не видно тамъ ни эмиграцій, ни превращеній, ничего такого, что въ книгахъ самыхъ древнихъ языческихъ народовъ указываетъ намъ слѣды вымысла и мифа. Еслибы само всевѣдѣніе описывало твореніе міра, то оно не сдѣлало бы этого иначе, какъ Моисей. Въ его словѣ замѣчается удивительная простота; лаконизмъ рѣчи заключаетъ его описаніе въ предѣлы строго необходимые для того, чтобы сказать, что извѣстное событіе было, и ничего больше. Но за всѣмъ тѣмъ, какая точность, какой порядокъ, какая глубина, какое величіе! Какая другая исторія имѣетъ больше естественной связи и стройности, какъ та, которая одна представляетъ полный составъ, упорядочиваетъ разбросанныя и очищаетъ испорченныя преданія народовъ, которая ясно и опредѣленно говоритъ намъ о твореніи вселенной, о сотвореніи человѣка въ частности, о блаженствѣ его первобытнаго со-

стоянія, о причинахъ его бѣдствій и немощей, о поврежденіи міра, о потопѣ, о происхожденіи искусствъ, объ образованіи племенъ и народовъ, о раздѣлѣ земель, наконецъ о распространеніи рода человѣческаго и другихъ событіяхъ такой же важности, о которыхъ исторіи человѣческія говорятъ съ какимъ-то замѣшательствомъ, безпорядочно, сбивчиво, и заставляютъ насъ искать другихъ болѣе вѣрныхъ источниковъ. На однихъ только первыхъ страницахъ книги Бытія есть гораздо больше основныхъ истинъ, больше здоровой философіи, больше знанія о предметахъ божескихъ и человѣческихъ, чѣмъ во всѣхъ произведеніяхъ древности. Какое величественное введеніе въ исторію первыхъ временъ міра—эти шесть актовъ, эти шесть мановеній воли Творца, Который изводитъ вселенную изъ ничтожества легко и удобно, безъ напряженія и усилій, Который чрезъ самые промежутки и одобреніе, заканчивающее каждое изъ Его чудныхъ дѣлъ, являетъ Свою безконечную премудрость и силу, свободу и могущество, который держитъ, такъ сказать, въ рукахъ своихъ каждую часть вселенной, зыблющейся предъ Нимъ надъ бездною ничтожества и можетъ также легко уничтожить ее или измѣнить намѣреніе, съ какимъ Ему угодно было ее создать и хранить. Откуда Моисей почерпнулъ столь чистыя понятія о Божествѣ, идеи столь возвышенныя о Его могуществѣ, Его независимости и другихъ Его совершенствахъ? Какъ это могло статься, что онъ, жившій столько вѣковъ прежде другихъ писателей, превосходитъ всѣхъ своею высокою мудростію и изъ всѣхъ есть одинъ, котораго ученіе не старѣется и не имѣетъ нужды въ реформѣ, котораго свѣдѣнія и сказанія не оказались недостаточными ни

въ одномъ пунктѣ? Какъ случилось, что онъ есть единственный писатель, котораго писанія будутъ всегда служить основаніемъ исторіи и философіи, точно такъ-же какъ и религіи?

То несомнѣнно, что Самому Богу надлежало научить перваго человѣка или первыхъ людей тому, что имъ нужно знать; и что это дѣйствительно было по общему убѣжденію, которымъ жила вся древность. Слѣдовательно, Самъ Богъ, давая о Себѣ знать человѣку, вышедшему изъ рукъ Его (и что естественнѣе этого?), долженъ былъ открыть ему и представить предъ взоры его картину творенія, которой онъ не былъ свидѣтелемъ, быть, такъ сказать, первымъ ему историкомъ и войти съ нимъ въ эти отношенія отца къ сыну. Отсюда уже слѣдуетъ и то, что книга Моисея не можетъ быть иною, какъ свыше—вдохновенною если только она есть книга истинныхъ преданій о Богѣ потому что истинныя преданія о Богѣ должны исходить изъ источника сверхъ-естественнаго. Итакъ, весь трудъ нашъ и намѣреніе утвердить ту истину, что Моисей есть единственно вѣрный и точный историкъ первоначальныхъ преданій, склоняются къ тому, чтобы утвердить, что онъ—Моисей есть историкъ откровенія, историкъ непосредственно вдохновенный и, какъ можно думать, посредственно чрезъ преданіе. Съ этой точки зрѣнія, которая одна есть истинная, или въ противномъ случаѣ ничего нѣтъ истиннаго, Моисей какъ бы остается въ сторонѣ; и одно божественное величіе дышетъ въ его повѣствованіяхъ. Священная исторія облекается здѣсь характеромъ авторитета предъ которымъ всякое разумѣніе должно преклониться и погрузиться въ лоно вѣры, которая рѣшительно есть высшее условіе въ отношеніяхъ души нашей къ Богу.

(Духовн. Дневникъ за 1866 г. № 17 стр. 788).

Бесѣды о Рождествѣ Христовомъ. (*)

I.

«Христосъ рождается, славите!»

Въ сихъ словахъ св. Церкви слышится христіанскому чувству не одно только одушевленіе Ея столь радостнымъ и спасительнымъ событіемъ, — одушевленіе, по которому минувшія дѣла воскресаютъ предъ нашимъ сознаніемъ изъ области прошедшаго и являются настоящими. Здѣсь слышится нѣчто большее, что существенно отличаетъ событія Божественныя отъ человѣческихъ и возвышаетъ голосъ Церкви, какъ Богоучрежденнаго общества, надъ самыми оживленными рѣчами отдѣльныхъ Ея членовъ. Да! Христосъ Спаситель нашъ *вчера и днесъ тойже и во вѣки*; а потому каждое событіе изъ Его жизни, какъ изъ жизни лица *вѣчнаго*, является съ характеромъ всеобщности и непрерывности своего значенія. Церковь, основанная Спасителемъ, освящается всегда Его пребываніемъ въ ней, оживляется Его присутствіемъ во всѣхъ ея священнодѣйствіяхъ. Вотъ почему церковное воспоминаніе каждаго изъ событий и дѣйствій Христа Спасителя есть больше, чѣмъ воспоминаніе; это воспроизведеніе, или, лучше сказать, непрерывное продолженіе Его жизни, въ которомъ отражается уже вѣчность ея во времени и облекается въ формы періодической являемости только для приспособленія къ нашей ограниченности и измѣняемости. *«Христотъ рождается, славите!»* Точка зрѣнія, на которую въ семъ случаѣ поставляетъ насъ Церковь, не есть точка зрѣнія, обращеннаго назадъ въ прошедшее, а прямаго и непосредствен-

(*) Произнесено въ церкви Вятскаго Дѣвичьяго монастыря Ректоромъ Семинаріи А. I.

наго. Такъ именно, подъ руководствомъ церкви, мы желаемъ въ настоящіе дни (*) обозрѣть великое и радостное для насъ событіе—рождество Господа нашего Иисуса Христа.

Иисусъ Христосъ, обѣтованный Спаситель человечества, подпавшаго грѣху и проклятiю, является въ міръ не тотчасъ по паденiи прародителей, но по прошествiи некратакаго времени—слишкомъ пяти тысячъ пяти сотъ лѣтъ. Время это, по ясному свидѣтельству самого Спасителя (Марк. 1, 15) и св. Апостоловъ (Гал. 4, 4), было определено въ тайнѣ совѣта Божiя о спасенiи людей (Еф. 3, 9—11; 1 Кор. 3, 7; Кол. 1, 26); такъ что Спаситель посылается въ міръ не прежде, какъ *приде кончина лѣта*,—является на землю тогда, когда *исполнися время* и наступилъ *последокъ днiй* (Евр. 1, 1.).

Не дерзая проникать въ тайну сего совѣта Божiя, мы можемъ представить здѣсь благоговѣйныя соображенiя богомудрыхъ богослововъ и учителей св. Церкви.

По своему всемогуществу Господь Богъ безъ сомнѣнiя могъ бы помиловать прародителей нашихъ вскорѣ послѣ ихъ грѣхопаденiя; но «Онъ, по мнѣнiю блаженнаго *Теодорита*, восхотѣлъ показать не только свое могущество, но и правду своего промышленiя». «Правда сiя открылась, какъ богословствуетъ св. *Іоаннъ Дамаскинъ*, въ томъ, что когда человѣкъ былъ побѣжденъ змiемъ, Богъ не другаго кого дѣлаетъ побѣдителемъ искушителя и *не силой похищаетъ* человѣка у смерти, но принимая самъ человеческое естество, дѣлаясь человѣкомъ, спасаетъ подобное подобнымъ».

Вникая въ сiи мысли великихъ богослововъ, мы мо-

(*) 26, 27 и 28 ч. декабря 1868 года.

жемъ понять, что Господь хочетъ спасти человѣка не насильно, но съ сохраненіемъ его свободы; такъ какъ и самое паденіе человѣка, хотя произошло вслѣдствіе искушенія отъ діавола, совершилось однакожь добровольно, по свободному изволенію. Только при сохраненіи и неприкосновенности свободы, прародители наши могли со временемъ вполне сознать всю тяжесть своего грѣха, въ которомъ сначала они сознавались смутно, съ укоромъ не столько себя, сколько самого Бога и всецѣло восчувствовать нужду въ Божественномъ искупленіи и понять цѣну этого дара Божія. Въ самомъ дѣлѣ по первой исповѣди прародителей можно заключать, что они, еслибъ тогда же были прощены Богомъ, приняли бъ эту милость скорѣе за право своей природы, а отнюдь не за чрезвычайный даръ Божій и не только не освободились бы отъ грѣха, но еще болѣе были бы подвержены его вліянію. Заключенію нашему сообщаетъ значительную долю вѣроятности мнѣніе св. *Августина* великаго, который думаетъ объ этомъ такъ: «если бъ Богъ, по могуществу своему, однимъ словомъ своимъ разрѣшилъ клятву и простилъ людямъ грѣхъ; то это конечно показало бы могущество Его, но было бы вредно самимъ людямъ. Они изъ сего научились бы еще болѣе грѣшить и вскорѣ пали бы снова: тогда опять надлежало бы ихъ прощать и не было бы конца такимъ прощеніямъ, а люди становились бы все хуже и хуже. Всегда согрѣшая, они всегда имѣли бы нужду въ прощеніи и никогда не были бы освобождены отъ грѣховъ и ихъ пагубныхъ слѣдствій».

Что признано нужнымъ въ отношеніи къ прародителямъ, тоже допущено Богомъ и относительно потомковъ

ихъ до извѣстнаго срока времени. На эту волю Божию, которая можетъ быть усматриваема изъ самой исторіи человечества, ясно указалъ св. Апостоль Павелъ. *Богъ*, говоритъ онъ въ посланіи къ христіанамъ изъ Іудеевъ и язычниковъ, *предалъ всѣхъ насъ въ непослушаніе, дабы всѣхъ помиловать* (Римл. II, 32), т. е. Богъ попустилъ всѣмъ потомкамъ Адамовымъ жить по испорченной, непослушной Богу волѣ съ тѣмъ, чтобъ они, сознавъ въ себѣ силу грѣха, ощутивъ горечь плодовъ его—болѣзней, бѣдъ и несчастій, всѣ обратились къ Богу за помощію и приняли эту помощь, какъ незаслуженный даръ милосердія Божія. Такъ дѣйствительно и оправдалась сія воля Божія въ жизни человѣческаго рода. Въ лучшей части человечества, по замѣчанію св. *Григорія* Богослова, сознано бѣдственное состояніе подъ властію грѣха и діавола, выражено сильное желаніе Божественной помощи и проявлены опыты исканія сей помощи. Въ худшей же части рода человѣческаго, какъ выражается св. *Григорій Нисскій*, «зараза грѣха, глубоко проникшаго природу человѣческую, вышла вся изънутри наружу и могла быть въ виду всѣхъ снята Божественнымъ врачомъ, понесшимъ на себѣ всѣ болѣзни человечества».

Сохраняя такимъ образомъ природу человѣческую при возстановленіи людей въ первобытное—невинное состояніе, Господь Богъ дивно обнаруживаетъ въ этомъ дѣлѣ и свою Божескую свободу. Такъ Іисусъ Христосъ для спасенія людей рождается въ опредѣленное заранѣе время,—рождается согласно съ пророчествами, въ коихъ *многочастъ и многообразнъ* говорилось за нѣсколько вѣковъ о всѣхъ качествахъ грядущаго Спасителя и даже о частнѣйшкѣ

обстоятельствахъ явленія Его и жизни,—раждается по образу перваго творенія міра и человѣка, т. е. по наитію того Духа Божія, Который носился нѣкогда надъ стихіями міра, раждается изъ дѣвственной утробы пречистыя Дѣвы Маріи, какъ Адамъ—изъ земли невоздѣланной (Быт. 2 5),—раждается наконецъ въ половинѣ шестой тысячи лѣтъ отъ сотворенія міра, какъ бы въ полдень шестаго дня, когда былъ созданъ первый человѣкъ. Видимое дѣло, что здѣсь дѣйствуетъ Тотъ, Кто положилъ въ своей власти времена и лѣта, у Кого не изнеможетъ всякъ глаголь и Кто всегда пребываетъ вѣренъ себѣ (2 Тим. 2, 13). Какъ въ царствѣ природы, такъ и въ царствѣ благодати Господь *вся, елика восхотѣ, сотвори*, могущественно проявляя тамъ и здѣсь чудный порядокъ мудрости и свободы.

Велико и славно было первое твореніе міра, умъ человѣческій изумляется сему чуду, даже Ангельскія силы прославляли его *гласомъ велиимъ* (Іов. 38, 7). Но вочеловѣченіе предвѣчнаго Сына Божія, гдѣ «Безначальный начинается и Невмѣстимый вмѣщается, гдѣ младенецъ творится Творецъ», есть чудо изъ чудесъ, которое побуждаетъ не только людей, но и самыя воинства Ангельскія вѣчно восклицать: *слава въ вышнихъ Богу!*

II.

Пробилъ наконецъ опредѣленный часъ, котораго ждали вѣка и который на всю вѣчность останется незабвеннымъ: «Дѣва раждаетъ Пресущественнаго, земля приноситъ Неприступному вертепъ Виѳлеемскій, Ангелы съ простыми душами пастуховъ Виѳлеемскихъ славословятъ и волхвы восточные, по движенію явившейся звѣзды, приходятъ на поклоненіе новорожденному Царю Іудейскому». Вотъ сущ-

ность и обстоятельства рождества Христова! Все здѣсь, по видимому, такъ просто и такъ знакомо каждому изъ насъ отъ младенчества; между тѣмъ, при внимательномъ размышленіи, мы можемъ вмѣстѣ съ Церковію усматривать здѣсь «таинство странное и преславное».

Святая Дѣва изъ благовѣстія Архангела Гавріила знала, что она по наитію Св. Духа и осѣненію силы Вышняго должна родить Сына, — Который наречется *Сыномъ Божиимъ* (Лук. 1, 38); тайна эта изъяснена Ангеломъ и Праведному Обручнику Дѣвы *Иосифу* съ такимъ добавленіемъ, что Сынъ Дѣвы нареченъ будетъ *Иисусомъ* т. е. Спасителемъ, *той бо спасетъ люди своя отъ грѣхъ ихъ* (Мѡ. 1, 21.). О самомъ рожденіи Евангелистъ говоритъ кратко: *роди сына... и повитъ его и положи въ яслехъ* (Лук. 2, 7.). Но изъ сего краткаго показанія видно, что Дѣва, какъ зачала во чревѣ отъ Духа Свята безсѣменно, такъ и раждаетъ Сына безболѣзненно; а потому сама повиваетъ его и кладетъ въ ясли, не требуя сторонней помощи. Положивъ Богомладенца въ ясли, Пречистая Матерь Божія, безъ сомнѣнія, первая изъ всѣхъ земнородныхъ поклонилась Богу своему и Богу нашему, насъ ради человѣкъ и нашего ради спасенія спешшему съ небесъ. Что чувствовала святѣйшая Богоматерь и что говорила она въ эти поразительныя минуты явленія Бога во плоти, объ этомъ Евангеліе не говоритъ ничего; вѣроятно эти чувства и эти слова, вѣдомыя Всевѣдущему, неудобоглаголимы на слабомъ языкѣ человѣческомъ и, до наступленія вѣчности, составляютъ завѣтную святыню непорочнаго сердца, въ которомъ слагала Матерь — Дѣва все тогда видѣнное и слышанное Ею. Можно только гадать объ этихъ чувствахъ и словахъ

по той дивной пѣсни, въ коей раньше высказалась святая душа Дѣвы Маріи. *Величитъ душа моя Господа и возрадовался духъ мой о Бозѣ Спасѣ моемъ*, воскликнула она послѣ Архангельскаго благовѣстія о зачатіи Сына; что же могла говорить она теперь, когда увидѣла своими очами родившагося отъ нея Бога, Спаса Ея и всѣхъ людей, когда поклонилась Ему за себя и за насъ и когда восприняла во святыхъ свои обѣщанія всѣхъ Бога, какъ своего сына!.. Здѣсь-то она получила высокое право быть ходатаицею за весь родъ христіанскій; за это Ее ублажаютъ и будутъ ублажать всѣ роды и племена земныя.

Рожденіе Спасителя совершилось въ вертепѣ, потому что *не бѣ мѣста въ обители* за множествомъ народа, замѣчаетъ Евангелистъ. Это причина видимая, а сколько здѣсь причинъ невидимыхъ? Не находится мѣста въ жилищахъ человѣческихъ Тому, Кто пришелъ спасти всѣхъ людей: не указываетъ—ли это на то невниманіе, какое выставлено Евангелистомъ: *во своя прииде и свои Его не пріяша* (Іоан. 1, II.)? Не обличаетъ ли это и въ наши времена тѣхъ, у которыхъ въ сердцѣ и въ домѣ есть мѣсто для всѣхъ предметовъ и украшеній; не достаетъ только иногда мѣста для Тебя, милосердый Спасителю нашъ! Не ссылайтесь на свое недостойнство и величіе Спасителя. Смиривъ Себя насъ ради и возлегли въ убогомъ вертепѣ и въ ясляхъ безсловесныхъ, Онъ тѣмъ самымъ ясно показалъ всѣмъ, что Онъ готовъ помѣститься и въ ясляхъ самыя безсловесныя души человѣческой и войти въ самое оскверненное грѣхами тѣло наше. Можно присовокупить къ сему, что вертепъ Виѳлеемскій донынѣ сохранился въ первобытной своей цѣлости; тогда какъ давно исчезли

съ лица земли величественныя палаты кесарей и пышныя дворцы иродовы. Сердце вѣрующее не только въ богатыхъ обителяхъ, но и въ бѣдныхъ хижинахъ теперь равно можетъ наполняться радостію, чувствуя всю близость къ себѣ Христа Спасителя, обнищавшаго насъ ради и возлегшаго въ ясляхъ.

Не смотря на видимое убожество, рожденіе Спасителя привѣтствуется славословіемъ Ангеловъ: *слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоуцѣхъ благоволеніе!* Небожители, которые гласомъ велимъ восхваляли Творца, когда сотворены быша звѣзды (Іов. 38, 7.), которые съ глубокою скорбію взирали на землю, подпавшую проклятію, и на людей, *лишенныхъ славы Божіей* за грѣхъ (Рим. 3, 22), теперь снова проникаются святымъ восторгомъ и боголѣпно славословятъ Господа, пришедшаго спасти людей отъ грѣха и проклятія и облечь ихъ славою вѣчною. Одинъ изъ Ангеловъ былъ первымъ благовѣстникомъ людямъ о рожденіи Спасителя. Въ полночь, когда многолюдное стеченіе народа, прибывшаго въ Виѣлеемъ по случаю народной переписи, погружено было въ глубокой сонъ, бодрствовали при своихъ стадахъ нѣкоторые изъ пастуховъ. Безъ всякаго сомнѣнія души сихъ простыхъ людей глубоко были проникнуты *чаяніями утѣхи Израиля* и, быть можетъ, при блескѣ далекихъ звѣздъ, сіявшихъ на темномъ небосклонѣ Виѣлеемскомъ, они въ это время пѣли тѣ восторженно-пророческіе псалмы, которые за тысячу лѣтъ сложилъ кроткій Давидъ, пасшій на этихъ самыхъ поляхъ стада отца своего и здѣсь же помазанный Самуиломъ на царство. Симъ-то душамъ бодрствовавшимъ и богобоязненнымъ объявлены были Ангеломъ эти радостныя для всѣхъ

насъ слова: *се благовѣствую вамъ радость велию, яже будетъ всѣмъ людемъ. Яко родися вамъ днесъ Спасъ, иже есть Христосъ Господь, во градъ Давидовъ. И се вамъ знаменіе: обрящете младенца повита, лежаща въ ясляхъ* (Лук. 2, 10—12). Понятно, что такое благовѣстіе заставило пастырей тотчасъ *поспѣшить* къ вертепу и поклониться Спасителю міра, лежащему въ ясляхъ. Неудивительно, что и послѣ эти смиренные люди славили и благодарили Господа *о всѣхъ, яже слышаша и видѣша* (Лук. 2, 20.).

Поймемъ отсюда, что всякое надменіе, *киченіе* ума не совмѣстно съ сущностію христіанской вѣры; что для пріятія и усвоенія ея высокихъ истинъ и правилъ необходимы, при духовномъ бодрствованіи, прежде всего смиреніе духа и кротость сердца. *Блаженни нищій духомъ, яко тѣхъ есть царствіе небесное*; такъ началась проповѣдь Христа Спасителя (Мѳ. 5, 3).

При твердой вѣрѣ сердца не опасна для насъ никакая наука; напротивъ всѣ научныя открытія, освѣщаемыя и руководимыя Божественнымъ откровеніемъ, могутъ дѣлать вѣрующихъ людей разумѣвающими и доставлять имъ побѣду надъ всѣми препятствіями, какія въ каждый вѣкъ измышляются сынами противленія, по внушенію древняго змія—губителя.

Примѣромъ этой истины служатъ восточные волхвы, которые занимались наукою о небесныхъ свѣтилахъ. По явленію необычайной звѣзды, они заключили о рожденіи необыкновеннаго человѣка и до того были убѣждены въ вѣрности своего заключенія, что рѣшились идти, по движенію явившейся звѣзды, съ богатыми дарами, на поклоненіе ро-

дивнемуся Царю Іудейскому. Вопросы волхвовъ смутили всѣхъ жителей Іерусалима; но ихъ самихъ не смутили эти безпокойства и недоумѣнія. *Видѣхомъ бо звѣзду его на востоцѣ, съ увѣренностію говорили волхвы, и приидохомъ поклонитися Ему* (Мѡ. 2, 2). Это ихъ убѣжденіе, обязанное своимъ первоначальнымъ происхожденіемъ пророчеству *Даніила* о седмидесяти седмицахъ, подкрѣпилось здѣсь другимъ пророчествомъ, именно пророчествомъ *Михея* о рожденіи Христа въ *Виѡлеемѣ* (Мѡ. 2, 8), которое сообщено имъ противникомъ Христа *Иродомъ*. Звѣзда такимъ образомъ доставила волхвамъ возможность выслушать яснѣйшее откровеніе о рожденіи Спасителя и затѣмъ привела ихъ въ Виѡлеемъ, гдѣ они дѣйствительно увидѣли *отрока съ Марією Матерією Его и падше поклонишася Ему, вручивши дары: золото, ливанъ и смирну* (Мѡ. 2, II.).

Такъ во времена язычества, при невысокомъ состояніи естественныхъ наукъ, любомудрыя души могли приходить ко Христу. А въ наше время, когда уровень сихъ наукъ значительно поднялся, какъ-то странно слышать не двусмысленные толки, будто въ этихъ наукахъ заключаются нѣкоторыя противорѣчія Богооткровенному ученію Евангельскому! Смущаться этими толками не слѣдуетъ истинному христіанину; но нужно болѣе и болѣе углубляться въ тайны природы и отражать противниковъ собственнымъ ихъ оружіемъ, какъ это дѣлали и дѣлаютъ великіе умы, соединяющіе съ обширными знаніями естественныхъ наукъ глубокое благоговѣніе къ Господу. Прежде же всего и болѣе всего намъ нужно тщательно *испытывать Священное Писаніе* (Іоан. 5, 39.) *и лише внимати* словамъ Евангелія Христова (Евр. 2, 3); при малѣйшемъ же сму-

щеніи и сомнѣніи необходимо всеусердно молить Христа Бога, да подасть намъ смиренную вѣру Виѳлеемскихъ пастырей и вѣрующее любомудріе восточныхъ волхвовъ, а также обращаться съ молитвою къ Матери Божіей, да «даруетъ намъ смиреніе въ мысляхъ и воззваніе въ плѣненіи помышленій».

(Окончаніе будетъ).

Пріемъ папскихъ пословъ его святѣйшествомъ, патріархомъ константинопольскимъ.

Въ субботу, 5-го октября, въ 10 ч. утра, члены латинской церкви въ Константинополѣ, дон-Теста и три аббата, прибыли въ патріархатъ. Принятые протосингеломъ со всею церемоніею, употребляемою въ подобныхъ случаяхъ, члены латинской церкви были допущены до его святѣйшества, который принялъ ихъ благосклонно, позволилъ имъ поцаловать свою руку и обнялъ ихъ по обычаю, изъявляя удовольствіе видѣть ихъ у себя. Донъ-Теста и три аббата встали съ мѣстъ своихъ, и въ то время, когда дон-Теста вынималъ изъ кармана богато переплетенную брошуру, одинъ изъ трехъ аббатовъ его свиты произнесъ на греческомъ языкѣ слѣдующую рѣчь: «Въ отсутствіи монсиньора Брунони, находящагося теперь въ Римѣ, мы пришли пригласить ваше Святѣйшество принять участіе во вселенскомъ соборѣ, долженствующемъ собраться въ Римѣ въ слѣдующемъ 1869 году 9-го декабря и просимъ васъ принять пригласительное посланіе его святѣйшества папы».

По знаку патріарха, дон-Теста положилъ возлѣ него принесенное имъ посланіе, и его святѣйшество пригласилъ

всѣхъ четырехъ латинскихъ аббатовъ снова сѣсть на свои мѣста.

Послѣ нѣкотораго молчанія, патріархъ тономъ, исполненнымъ кротости и смиренія, сказалъ: «Еслибъ въ римскихъ газетахъ не было уже напечатано письмо, которымъ его святѣйшество приглашаетъ насъ въ Римъ на соборъ, который вы называете вселенскимъ, и еслибъ мы не знали уже цѣли и желаній папы, то съ большимъ удовольствіемъ приняли бы письмо патріарха древняго Рима, въ надеждѣ найти въ немъ какую-нибудь новую мысль; но это письмо, уже дошедшее до насъ въ печати, объяснило намъ цѣль его святѣйшества—цѣль діаметрально противоположную православной Церкви Востока, и мы объявляемъ вамъ, почтеннѣйшіе отцы, съ искренностью и прискорбіемъ, что мы не можемъ принять ни подобнаго приглашенія, ни подобнаго письма, которое повторяетъ тѣже правила, противоположныя духу евангелія, постановленіямъ вселенскихъ соборовъ и писанію св. отцевъ.

Въ 1848 году, его святѣйшество папа уже сдѣлалъ подобный шагъ, побудившій тогда вселенскую Церковь послать ему соборное посланіе, въ которомъ просто и ясно было изложено несогласіе между апостольскими преданіями и принципами Рима, посланіе, которое было очень непріятно его святѣйшеству, что ясно доказывалъ его тогдашній отвѣтъ.

«Такъ какъ папа не уклонился отъ своихъ правилъ, и такъ какъ мы, милостію Божіею, не отклонились отъ нашихъ, то и не желаемъ напрасно причинять новыя неудовольствія папѣ и растравлять застарѣлыя раны. Мы не хотимъ также разжигать уснувшую ненависть, потому что

мы всѣ, болѣе нежели когда нибудь, нуждаемся въ евангельской любви, чтобъ предохранять Церковь Христову отъ разнородныхъ опасностей, ее окружающихъ. Мы думаемъ, что разрѣшеніе церковнаго вопроса надобно искать въ исторіи.

«Десять вѣковъ назадъ существовала одна Церковь, какъ на Востокѣ, такъ и на Западѣ, исповѣдывавшая одни и тѣ же догматы. Обратимся къ этой эпохѣ и посмотримъ, кто измѣнилъ ихъ прибавленіями и убавленіями. Уничтожимъ нововведенія, если они окажутся, и тогда мы незамѣтно снова станемъ на ту точку католическаго православія, отъ которой все болѣе и болѣе удаляясь, древній Римъ увеличилъ пропасть, насъ раздѣляющую, вводя новые догматы и новыя постановленія, несовмѣстныя съ священными преданіями».

Въ отвѣтъ на вопросъ аббата Тесты, о какихъ различіяхъ принципахъ говоритъ его святѣйшество, патріархъ сказалъ: «Не входя въ подробности, повторяемъ вамъ, что до тѣхъ поръ, пока на землѣ будетъ существовать Церковь Христова, мы не можемъ допустить ни другаго верховнаго пастыря, кромѣ самого Господа нашего, ни существованія непогрѣшимаго патріарха, превышающаго власть вселенскихъ соборовъ, которымъ однимъ принадлежитъ титулъ *непогрѣшимыхъ*, потому что они всегда соображались съ духомъ св. Писанія и апостольскихъ преданій. Мы не можемъ допустить неравенства апостоловъ, вѣря равносильности просвѣщенія ихъ Св. Духомъ, ни первенства какого-нибудь патріарха или папы, основаннаго не на соборномъ и человѣческомъ распоряженіи, а, какъ вы утверждаете, на правѣ божественномъ».

Одинъ изъ аббатовъ замѣтилъ, что Римъ не думаетъ измѣнять этихъ принциповъ, что Флорентійскій соборъ провозгласилъ возсоединеніе обѣихъ церквей и что папа, въ виду рѣшенія, имъ изложеннаго, приглашаетъ всѣхъ еще не соединившихся и не просвѣщенныхъ участвовать въ римскомъ соборѣ, съ цѣлью просвѣтить и свести ихъ воедино. Патріархъ отвѣчалъ: «Только одни люди безъ образованія могутъ не знать того, что было писано противъ Флорентійскаго собора, и, конечно, вы не изъ числа этихъ людей, почтенные отцы. Собраніе, созванное съ политической цѣлью и для интересовъ свѣтскихъ, а не духовныхъ, не заслуживаетъ названія св. собора, хотя оно и принудило нѣкоторыхъ изъ нашихъ, голодомъ и всякаго рода насиліями, принять на нѣкоторое время рѣшеніе тогдашняго папы. Св. отцы Церкви Востока и Запада и семь соборовъ, которые одни только и могутъ назваться вселенскими—вотъ руководители непогрѣшимые и вѣрные пастырю западной церкви, если онъ искренно хочетъ и ищетъ евангельской истины, и только ими и чрезъ нихъ мы можемъ соединяться въ священномъ объятіи догматическаго единенія. Все, что будетъ сдѣлано внѣ этого пути, будетъ признано немогущимъ присоединить къ себѣ членовъ Церкви восточной. Впрочемъ, если нѣкоторые епископы западной церкви, не увѣренные въ догматахъ вѣры, ими исповѣдуемой, желаютъ собраться, чтобъ провѣрить ихъ, то они имѣютъ полное право собраться, когда и гдѣ имъ угодно; но мы не имѣемъ въ этомъ никакой надобности, потому что тверды въ преподанной намъ вѣрѣ св. отцевъ. Но, почтеннѣйшіе отцы, если уже мы говоримъ о вселенскихъ соборахъ, то позвольте сказать вамъ, что они

собирались совершенно иначе, нежели какъ это дѣлается теперь. Еслибъ его святѣйшество папа, принявъ за правило равенство и братство апостольское, сознавалъ, что, по каноническимъ законамъ, онъ только *primus in paribus* (первый между равными), то, вмѣсто того, чтобъ публиковать въ газетахъ слова и рѣчи, доказывающія намѣреніе его выдавать себя за верховнаго главу христіанства, онъ долженъ бы былъ письменно адресоваться къ каждому патріарху восточной Церкви, спрашивая своихъ братьевъ во Христѣ, раздѣляютъ ли они его мнѣніе о созваніи собора, какіе вопросы должны быть разсматриваемы, гдѣ и когда долженъ быть созванъ предполагаемый соборъ. Обратимся опять къ исторіи и къ вселенскимъ соборамъ, если вы искренно желаете нашего соединенія; если же нѣтъ, если это для васъ слишкомъ большой трудъ, то ограничимся тѣмъ, что будемъ возсылать къ престолу Божію молитвы «о мирѣ всего міра и о соединеніи церквей!» При теперешнихъ же обстоятельствахъ мы объявляемъ вамъ, что не можемъ принять ни вашего приглашенія, ни вашего окружнаго посланія».

«Однѣ молитвы поведутъ ли насъ къ соединенію?» спросилъ одинъ изъ аббатовъ. «Если человекъ боленъ, мы призываемъ къ нему врача, хотя надѣемся на Бога и молимъ его о выздоровленіи».

Патріархъ отвѣчалъ: «когда дѣло идетъ о болѣзни духовной и нравственной, Господь Богъ нашъ знаетъ, кто боленъ, сколько онъ страдаетъ, какой родъ его болѣзни и какія должны быть употребляемы лекарства. Повторяемъ, что считаемъ молитву необходимою для того, чтобъ Спаситель міра ввухилъ каждому рѣшимость дѣйствовать во

славу Божію». Сказавъ это, патріархъ приказалъ протосингелу, присутствовавшему при аудіенціи, взять брошюру и передать ее представителю монсиньора Брунони. Послѣ чего четыре аббата откланялись его святѣйшеству вселенскому патріарху и, провожаемые протосингеломъ до лѣстницы, оставили патріархатъ.

Эта аудіенція, полная достоинства со стороны патріарха, произвела сильное впечатлѣніе на все православное населеніе.

(Изъ газет. Голосъ).

Объ изданіи «Исторіи Церкви, отъ Рождества Христова до нашихъ временъ», предпринятомъ Парижскимъ Православнымъ Священникомъ о. Владиміромъ Гетте.

Извѣстный своею ревностію къ Православной восточной Церкви, Парижскій Священникъ о. Владиміръ Гетте проситъ редакцію Вятскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей объявить, что онъ предпринялъ въ будущемъ 1869 году изданіе на французскомъ языкѣ обширнаго ученаго труда, подъ названіемъ: Исторія Церкви. Цѣль этого изданія— безпристрастно изложить исторію Христіанской Церкви, безъ тѣхъ тенденціозныхъ цѣлей, которыя лежатъ въ основѣ подобныхъ сочиненій, написанныхъ католическими и протестантскими богословами. Продолжительныя занятія о. Владиміра Церковной исторіей служатъ ручательствомъ успѣшнаго выполненія имъ задуманнаго дѣла. «Исторія Церкви» о. Гетте будетъ раздѣляться на четыре періода: 1-й обнимаетъ собою время отъ Рождества Христова до перваго Никейскаго собора, 2-й отъ Никейскаго собора до 7-го вселенскаго собора, 3-й отъ 7-го вселенскаго собора до собора Флорентійскаго включительно и 4-й отъ Флорентійскаго собора до нашихъ временъ. Сочиненіе

будеть состоять изъ 10 томовъ, въ 8 д. л. по 700 страницъ въ каждомъ. Первый томъ выйдетъ немедленно, какъ скоро найдется на него 1000 подписчиковъ. Цѣна перваго тома 8 франковъ; остальные томы будутъ оплачиваться подписчиками по мѣрѣ ихъ появленія. О. Владиміръ Гетте обращается за поддержкою въ предпринятомъ имъ трудѣ ко всѣмъ православнымъ, прося ихъ содѣйствовать дѣлу личною подпискою или доставленіемъ подписчиковъ между своими друзьями и знакомыми. Деньги посылаются въ Парижъ по слѣдующему адресу: „Paris, rue Miroménil, N 5, á l'administration de l' Histoire de l' Eglise,“ съ точнымъ обозначеніемъ адреса, имени и отчества подписчика.

О БЪЯВЛЕНІЯ.

Содержаніе октябрьской книжки

Трудовъ Кіевской Духовной Академіи.

I. Образъ Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, какъ учителя (окончаніе). В. Пѣвницкаго.

II. Состояніе апостольской, православно-каѳолической церкви египетской въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія (продолженіе). Архимандрита Порфирія Успенскаго.

III. Грѣхъ (изъ Лютардта).

IV. Краткія извѣстія о положеніи базилианскаго ордена и разныхъ перемѣнахъ въ его управленіи, отъ 1772 г. до 1811 г. (продолженіе).

V. Объявленіе.

VI. Творенія бл. Августина (перев. съ латинскаго).

Содержаніе ноябрьской книжки

Трудовъ Кіевской Духовной Академіи.

I. Состояніе апостольской, православно-каѳолической церкви египетской въ первой половинѣ девятнадцатаго столѣтія (окончаніе). Порфирія епископа Чигиринскаго.

II. Благодать (изъ Лютардта).

III. Западно-русскіе уніятскіе Апостолы, Евангелія, Псал-

тири, Ирмологіоны, Молитвословы и Акаѳистники. А. Хойнацкаго.

IV. Краткія извѣстія о положеніи базилианскаго ордена и разныхъ перемѣнахъ въ его управленіи, отъ 1772 г. до 1811 г. (окончаніе).

V. Заграничныя замѣтки.

VI. Творенія бл. Іеронима (перев. съ латинскаго).

Содержаніе № 8-го Московскихъ Университетскихъ Извѣстій 1868 г.

О Ф Ф И Ц І А Л Ъ Н Ы Й О Т Д Ъ Л Ъ :

Протоколы засѣданій Совѣта за іюнь мѣсяць 1868 г.

Н Е О Ф Ф И Ц І А Л Ъ Н Ы Й О Т Д Ъ Л Ъ :

Годичное засѣданіе Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи 15-го октября 1868 года.

Акваріумы: I. Гамбургскіе акваріумы. II. Заведенія для рыбоводства. III. Неаполитанскій заливъ. IV. Французскіе акваріумы В. Ѳ. Ошанина.

Протоколъ втораго засѣданія этнографическаго отдѣла при Императорскожъ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологии и Этнографіи 20 апрѣля 1868 года.

Приложеніе:

О лѣтучихъ кислотахъ мочи. А. Булыгинскаго (окончаніе въ слѣдующемъ номерѣ).

СОДЕРЖАНІЕ: Личный характеръ бытописателя Моисея. Бесѣды о Рождествѣ Христовомъ. Пріемъ папскихъ пословъ. Объ изданіи «Исторіи Церкви, отъ Рождества Христова до нашихъ временъ». Объявленія.

«Вятскія Епархіальныя Вѣдомости» выходятъ два раза въ мѣсяць. Цѣна годовому изданію, въ Редакціи 4 р., а съ доставкою на домъ въ г. Вяткѣ, или съ пересылкою въ другія мѣста, — 5 рубл. Подписка принимается въ Редакціи сихъ Вѣдомостей, которая помѣщается въ зданіяхъ Вятской Духовной Семинаріи.

Редакторъ, Ректоръ семинаріи, Архимандритъ Іосифъ.

Дозволено цензурою. 8 января 1869 года.
Вятка, Въ типографіи О. Анисимовыхъ.